

слишком большим риском, а во-вторых, тем обстоятельством, что земельная собственность неизменно, даже в период наивысшего торжества так называемой купеческой демократии, придавала купцам больший социальный вес.

В течение долгого времени в исторической литературе было широко распространено мнение о том, что городская коммуна не только преобразовала систему распределения и организацию земельной собственности и структуру социального слоя землевладельцев, но и вызвала более глубокие сдвиги в положении крестьян, ибо благодаря городской коммуне они начиная с XIII века получили ту свободу, которую крестьяне многих других областей Европы приобрели лишь в XVIII и XIX веках. Однако исследователи, которые говорят о массовом освобождении сельского населения, пожалуй, впадают в преувеличение. Правда, почти повсеместно действовал обычай, согласно которому крестьянин, прибывший в город и проживший там в течение определенного срока, считался свободным. Что же касается массового освобождения крепостных (происходившего, впрочем, очень редко), то оно служило в руках городских коммун всего лишь средством ослабить политическое и военное могущество тех сеньеров контадо, с которыми коммуны вели борьбу; города отнюдь не собирались своими декретами об освобождении крестьян произвести коренные изменения в аграрном строе. Правда, с исчезновением господского двора и барской запашки личная крепостная зависимость исчезла, однако узы, привязывавшие крестьянина к земле, на которой он сидел, сохранились, в сущности, почти повсеместно. Юридически оформленного прикрепления к земле уже не существовало (впрочем, его, быть может, в большинстве случаев вообще никогда не существовало), однако фактически крестьяне контадо, носившие теперь общее название *villani*, *manenti* или *residenti*, являлись, за редкими исключениями, колонами, наследственно прикрепленными к земле. Пользование этой землей переходило от отца к сыну в течение длинного ряда поколений колонов, и в подавляющем большинстве актов об отчуждении, наследовании и разделе земель, составленных до периода городских коммун, а равно и после этого периода, крестьяне — и это в высшей степени характерно — неизменно называются колонами.